

СМЕХ СКВОЗЬ СМЕХ

Дорогой читатель! Предлагаем вам побеседовать с Кашею Бессмертным или Бабой-Ягой. На выбор... Страшно!
А мы отважились! Сегодня у нас в гостях один из старейших сказочных актеров Георгий Францевич МИЛЛЯР.

— Мою актерскую биографию можно начать с тех лет, когда я, как Красная шапочка, поехал в гости к бабушке и дедушке в Геленджик. Было мне 14 лет. Я не подозревал, что фронт гражданской войны отрезает все коммуникации к столице и я застряну в южном городке на пять лет. Время было жуткое, городок переходил от денкинцев к красным, от красных к зеленым.

В городской театр, где я служил бутафором, я пробираюсь осторожно, через заборы и сады. Поступил я в театр, потому что тетя моя служила актрисой в Москве, и я решил, что буду или художником (я рисовал), или актером. А пока соорудил куличи, лягушек, набивал коричневую клеенку чем попало и завязывал веревочкой — получалась замечательная колбаса. Иногда мне позволяли играть крошечные эпизоды, и я был вполне счастлив.

В 1921 году я смог вернуться в Москву. Закончил школу. Потом узнал, что Театр Революции набирает актерскую студию, или, как ее называли, школу юниоров, и поступил туда. Один из педагогов, молодой тогда еще Сергей Мартинсон, помог с выбором амплуа. За 14 лет в Театре Революции я переиграл массу острохарактерных ролей и одновременно снимался в великом немо на маленьких эпизодах. Довелось мне сыграть и в одной из первых звуковых лент режиссера Якова Протазанова «Марионетки».

Так продолжалось до тех пор, пока Александр Артурович Роу, одолев долгий путь от помрежа до режиссера, не начал снимать свой первый фильм «По щучьему велению». Я в нем также впервые сыграл главную роль царя Гороха и с тех пор полностью переключился на кинематограф.

По сценарию царь должен был рассмешить дочку, а как — не написано. Однажды поздно вечером, когда все уже устало, я подошел к Роу и говорю: «А пусть Горох в этой сцене яйца несет...» — «Что-о?» — «Яйца пусть...» говорю, — «несет, как курица...». Александр Артурович расхохотался и закричал: «Репетируем! Все на местах!»

С тех пор и начался наш контакт. 35 лет мы вместе. Довелось мне сниматься у Протазанова и Юткевича, у Фрезы и Птушко, но ни разу я не пропустил ни одной картины Александра Артуровича Роу. Всего снялся ролях в трехстах. В основном в сказках. Часто играл по несколько ролей в одном фильме. Например, возчика продуктов, вдовствующую королеву и церемониймейстера в «Королевстве кривых зеркал», царского спальника-пакостника, сказителя-гусяря и разбойника на дереве в «Коньке-Горбунке»...

В тридцатые годы сказка была в зачете, на нее смотрели, как на четвертого сорта кинематографию. Роу часто говорили: «Ну что сказки! Ведь если из них юмор убрать — одна мистика останется, а это вредно...» А Роу возражал: «А что от Гоголя останется, если юмор убрать? Нет, давайте уж оставим юмор на

своем месте...» И буквально отстоял сказку. А детский зритель доказал позднее, что Роу был прав.

Хотя вообще-то сказка не только для детей, а и для взрослых. Сказка — дело философское. Кроме того, это всегда кинокомедия, а у нас на них голод. Ну, появлялись двести лент в год плюс «Фитиль». Но ведь «Фитиль» — это юмор по карточной системе (так записано в моем домашнем словаре афоризмов)...

Вернемся к прошлому. После царя Гороха я впервые выступил на экране в роли злодея, да еще какого! Сыграл Кашею Бессмертного в одноименном фильме. Снимали во время войны. И я хотел показать в образе этого махрового, негодяя древние истоки фашизма. Потом, в фильме «Огонь, вода и медные трубы», мне довелось изобразить еще одного Кашея. Если первый — допотопный, в шкуре, то второй — затянутый в мундир, более современный. Я прекрасно понимал, что Кашей, как и Баба-Яга, смертен, но не физически, а тем, что в каждую эпоху есть свой Кашей и своя Баба-Яга, просто они перерождаются...

В дальнейшем мне пришлось изображать множество разной нечисти. Четыре Бабы-Яги в фильмах «Василиса Прекрасная», «Морозко», «Огонь, вода и медные трубы», «Золотые рога». (Первая Яга — самая злая, остальные — дурашливые, их все обдуряют). Одного черта — «Ночь перед рождеством». Одно Чудо-Юдо-беззаконное — «Варвара красная — длинная коса». Одну лягушку — Кваку — «Марья Искусница». Трех женоподобных существ: вдовствующую королеву — «Королевство кривых зеркал», сплетницу-старушку — «Ночь перед рождеством» (эта больше всего похожа на женщину) и графиню-колдунью — «Кот в сапогах».

Молодую колдунью играла Лидия Владимировна Вертинская, она потом превращалась в старуху — меня, потом в льва, в мышку... Я говорил о своем гриме, что если бы Мария Стюарт дожила до 300-летнего возраста, она выглядела бы примерно так... Позже, когда мы познакомились с Марианной Вертинской, она сказала: «А я вас знаю, вы с мамой одну роль наполовину играли...»

Со своим лицом я, почитай, и не снимался. Грим всегда придумываю и рисую сам. Друзей своих в материю беру, а если нужно кого позднее, то в магазин перед закрытием иду, когда продавщицы все злые... Баба-Яга в народных сказках ведь не из воздуха появилась...

Меня часто спрашивают, как получилось, что в роли Кашея я — высокий, а в роли черта — маленький. Дело в том, что «Кашея Бессмертного» снимал очень хитрый оператор Михаил Николаевич Кириллов. Он снимал снизу, а когда я стоял с партнером, то меня ставил на возвышение. Вдобавок монументальная манера держаться укрупняет. Сравните: новые дома-башни не производят впечатления, а маленький до-

мик с колоннами кажется таким стройным...

То, что я играл злодеев в гриме-маске, дало и положительный результат. Дети в жизни меня не боятся — не узнают. Иногда, разве, по голосу. Да после того, как нас с Роу показали по TV без грима, часто на улице подходят, будто дорогу спросить — проверяют, мой ли голос.

При дублировании я даже опасался, что из-за очень характерного голоса зритель не отвлекается. Но, опросив кой-кого, выяснил: когда мой голос очень подходит к персонажу, то зритель забывает, кто дублировал. Это хорошо. Ну, конечно, когда я курил в иностранных лентах дублировал, я уже не опасался...

Очень важный вопрос, что надо уметь комедианту и особенно сказочному актеру. Нужно уметь носить грим. Не то чтобы прилепленным носом в стенку не ткнуться, а уметь взглянуть на себя со стороны, представить себя на экране. Нет-нет, до самолюбования скатиться трудно. Любуешься, как правило, своей красотой, а если ты черт и безобразен — тебе это не грозит. «Раздвигайся» еще надо и потому, что если только «вживаться» из последних сил, особенно в образ негодяя, то можно довести себя до та-а-кой истерики, до такой, как у Кашея, подлости, прямо до самоубийства.

Как создается образ? Нарисую две точки: точку «Актер» и точку «Роль». Между ними две стрелки друг другу навстречу. «Актер» и «Роль» всегда идут на сближение. Герой останавливается на точке сближения ближе к «Актеру», а острохарактерный актер играет почти целиком «Роль». От своего естества остается чуть-чуть. Казалось бы, что может быть общего между мной и Кашеём? Но нет. Во-первых, я как раз тогда в Средней Азии переболел малярией и был очень тощий — это я заострил. Во-вторых, в каждом человеке есть крупица злости, я ее, как лук из грядки, вытаскиваю и рассматриваю под лупой. Надо не столько иметь отрицательные качества в себе, сколько уметь изобразить из мухи слона.

Вообще у меня любимый негодяй — палач из «Обыкновенного чуда» — пикантный, в котелке и бабочке, даже топор носит в футляре. Он — как цитата из немого кинематографа. Там было несколько слов, но я и их вымарал. И стало только лучше. Кинематограф — это прежде всего изображение. К чему слова? Кино дает возможность прочесть слова в глазах...

Я совсем было перестал верить в свою положительность, как недавно молодой минский режиссер Геннадий Харлан пригласил меня на роль советского генерала в отставке в короткометражной ленте «Доброе дело». Что из этого выйдет — вам судить...

Что касается современного деления комедии на лирическую — «рязановскую» и буффонную — «гайдаревскую», то я считаю, что имеет право на существование и смех, рассчитанный на улыбку, и смех, рассчитанный на хохот.

Смех в кино возникает по знако-

Царь Горох («По щучьему велению»).

Графиня-колдунья («Кот в сапогах»).

мой зритель ассоциации, не только от остроумия, но и от нелепости, от несоответствия... Надо различать комедию и комический фильм. Но для последнего нужны особые актеры. Вспомним Пата и Паташона. Выходят: один маленький, другой длинный — и уже смешно. А взять Савелия Крамарова... При его появлении возникает вовсе не дурацкий смех. Просто всегда бывают на свете смешные люди, глядя на которых нельзя не смеяться. Поэтому всегда будет уместен комический, буффонный, гротесковый фильм.

Гоголь, учась в гимназии, играл в любительском спектакле старушку. Выходил, садился на крыльцо и, ни слова не говоря, начинал хихикать, потом смеяться, потом хохотать, да так заразительно, что зал со стульев сползал. Говорят, что смех, как и зевота, обладает гипнотическими свойствами. Не знаю... Но чего на свете не бывает? Может, в один прекрасный день я перекалфицируюсь в гастролера-гипнотизера?

Записала Н. ГНАТЮК.